E.A. Pochekutova

The theories of law and constitutional state in Russia in the second half of XIX century and the beginning of XX century

In this article the problems of formation and development theories of law, constitutional state in Russia are studied, the influence of western lawyers on formation of the theories of law and constitutional state is analyzed.

Keywords: Nation, monarchy, parliament, law state, sign.

Почекутова Евгения Алексеевна – ведущий специалист Управления Федеральной регистрационной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Хабаровскому краю, соискатель Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации (г. Хабаровск).

E-mail: pea_r@mail.ru

Теории правового и конституционного государства в России во второй половине XIX – начале XX вв.

В статье исследованы вопросы формирования и развития теорий правового и конституционного государства России, проанализировано влияние идей западных правоведов на формирование теорий правового и конституционного государства.

Ключевые слова: государство, монархия, парламент, правовое государство, закон, признаки.

Во второй половине XIX века в России стал заметен подъем в развитии конституционно-правовой науки. В этот период широкую известность получили труды по конституционно-правовым проблемам А.С. Алексеева, В.В. Ивановского, А.Ф. Кистяковского, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, М.И. Свешникова, В.И. Сергеевича, Б.Н. Чичерина и др.

Неразвитость представлений о конституционном государстве в массовом сознании не умаляла интерес к этой проблеме в среде русской интеллигенции. Западный опыт создания конституционного государства не только детально изучался, но и напрямую заимствовался без учета социально-политического развития России. В дискуссиях просматривались два будущих варианта конституции: германский (с сильными позициями монарха как субъекта государственных полномочий в политической системе) и английский (с перевесом полномочий в пользу парламента) [1].

Исследования немецких правоведов Ф. Шталя, Г. Еллинека и Г. Кельзена были заимствованы такими представителями русской юриспруденции, как: Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский – и реализованы в конституционных

проектах Союза освобождения (проекты Геллерта, в публикациях журнала «Освобождение» под редакцией П.Б. Струве), проекте С.С. Муромцева, Ф.Ф. Кокошкина, конституционных построениях В.А. Маклакова. Впоследствии, именно на этих проектах базировались Основные законы Российской империи 1906 года.

Английский вариант конституции русская юриспруденция и общественные деятели (П.Н. Милюков, И.И. Петрункевич) переняли у А. Дайси, Дж. Брайса, Л. Дюги, А. Менгера. Сторонники двух вариантов конституции жестко критиковали друг друга за умеренность или радикализм.

Проекты российских конституций XIX века официально не именовались конституциями. Во второй половине 1865 года, когда начали свою работу земские учреждения и усилилось либеральное движение различных слоев общества, число конституционных проектов возросло. Развернулись дискуссии даже по структуре органа народного представительства (Законодательного собрания, парламента). Предлагались различные варианты состава палат, отношений между ними. При этом, преимущество получила двухпалатная система. Еще в начале 1870-х годов в верхах высказывались мнения о необходимости введения представительных органов.

Российские конституционалисты отстаивали идею изменения общественных отношений исключительно правовыми средствами. Актуальной проблемой в этот период была разработка теории правового государства. Идея личной свободы и ее юридическое закрепление в законодательстве были лейтмотивом исследований российских конституционалистов-либералов. Надеясь на преобразование самодержавия в конституционную монархию правовыми средствами, большое количество своих работ они посвятили анализу дуалистической монархии как этапа трансформации ее в конституционную.

Отметим также, что и в западноевропейской историко-правовой мысли рассматриваемого периода существовало множество теорий происхождения государства, базировавшихся на открытиях представителей естественнонаучных и позитивистских школ [2]. Так, например, в трудах отечественных ученых множество ссылок на труды немецкого философа права Г. Еллинека (1851 – 1911 гг.), который рассматривал религиозно-теологическую теорию происхождения государства, теорию силы, патримониальную, договорную и некоторые другие [3]. Мы находим не только анализ работ Г. Еллинека, Р. Иеринга, но и диалог с ними. В периодической печати начала века содержится множество отзывов на работы отечественных ученых как положительного, так и отрицательного характера [4].

Однако даже в условиях кризиса самодержавия периода 1904 – 1907 гг., конституционная модель никогда не выходила за рамки конституционных предложений М.М. Сперанского. Более того, эта модель была ухудшена заимствованием элементов Германской конституции 1871 года, утвердившей недолговечный период существования дуалистической монархии. Назвать Основные государственные законы в редакции от 23 апреля 1906 года конституцией в точном смысле этого понятия также было нельзя, потому что

такие основополагающие принципы конституционализма, как народный суверенитет и разделение властей, отсутствовали. Однако, определенные конституционные ограничения монархии все же были установлены. Что касается Манифеста от 17 октября 1907 года, то это был акт конституционного характера, поскольку в нем впервые для России был сформулирован крайне важный принцип конституционного государства: ни один закон не может быть принят иначе, как с согласия народного представительства.

Актуальность работ ученых определялась политической обстановкой в стране после выхода российских Основных государственных законов 23 апреля 1906 г., в которых Российское государство провозглашалось единым и нераздельным, где императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. В то же время, указывалось, что империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке. Сила законов обязательна для всех без изъятия российских подданных и для иностранцев, прибывающих в Российское государство. Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и получить силу без утверждения государя императора [5]. Однако провозглашение основных принципов правового государства еще не означало, что такое государство утвердилось в Российской империи. По справедливому утверждению В.С. Нерсесянца, в подобном случае можно говорить только об определенном самоограничении, принятии на себя обязательств действовать в рамках изданных нормативных актов при сохранении права изменять и отменять их [6].

Проблему правового государства ставил и Б.А. Кистяковский (1868 – 1920). Любопытно, что он одним из первых поставил вопрос о перспективе правового социалистического государства в сопоставлении с правовым буржуазным государством. Основные признаки правового государства – ограничение и подзаконность власти – он распространил на будущее социалистическое государство. Власть в таком государстве, по прогнозу Б.А. Кистяковского, сохранится, но формы ее воздействия на людей будут ослаблены, как и в «… современном правовом государстве, где имеет место эволюция власти в направлении смягчения репрессий и принуждения» [7]. Ученый не мог предвидеть, что власть в тоталитарном государстве в состоянии создать право, усиливающее репрессии, особенно в отношении своих политических противников.

Иной и, на наш взгляд, более прагматичный подход к определению конституционного и правового государства у С.А. Котляревского. Он также рассматривал конституционное государство как воплощение правового, но, в то же время, возражал против отождествления этих понятий. Он, в частности, утверждал, что юридически конституционным государством можно признать всякое государство, где народное представительство участвует в осуществлении государственной власти, т. е. законом признается в формальном смысле лишь акт, изданный с согласия народного представительства [8]. В этом определении заключается указание на тот путь, каким конституционное

государство обеспечивает верховенство закона среди других актов государственной власти, причем, материального закона.

Различал конституционное и правовое государство известный специалист по государственному праву С.А. Корф. Он считал, что конституционное государство представляет собой переходный этап на пути к правовому государству. По его мнению, Россия вошла в семью конституционных государств вследствие Манифеста от 17 октября 1905 г., но не являлась правовым государством, так как «… всякое правовое государство будет одновременно государством конституционным, но не всегда наоборот» [9]. Исходной позицией в рассуждениях ученого на этот счет было традиционное утверждение, что для правового государства характерно признание естественных прав граждан, постулата, что человек родится уже с известным комплексом естественных, неотъемлемых прав, которые являются священными и неприкосновенными для государства. Последнее обязано их признавать и не нарушать. Эти гражданские права называются гражданскими свободами.

По мнению С. А. Котляревского, принципы правового государства воплощаются в условиях государственности не в одинаковой степени. Так, в монархическом государстве существуют признаки правового, конституционного (при наличии народного представительства), если монарх является органом государства, но не стоит над государством. Степень осуществления правового государства, писал С.А. Котляревский, бывает очень различна, но ни в каком государстве не бывает полной [8. С. 302].

Любопытно, что С.А. Котляревский создание государства видит как падение права (думается обычного). Но, по его мнению, деятельность государства может выражаться лишь в согласии с правом и в его сфере.

Государственные акты логически должны быть классифицированы по действию, которое они оказывают в мире права. Таким образом, естественно приходят к различению таких функций государства, как законодательная, юрисдикционная и административная.

Путем законодательной функции государство формулирует объективное право или норму права. Оно создает закон, обязательный для всех (для правящих и для управляемых) ибо он является выражением объективного права, которое обязательно для всех. Путем юрисдикционной функции государство постановляет относительно нарушения субъективного права и относительно споров о существовании и объеме субъективного юридического положения; когда имеет место нарушение субъективного права, оно, смотря по случаю, предписывает восстановление, репрессию или аннулирование; оно предписывает меры, необходимые для обеспечения субъективного юридического положения, существование и объем которого оно признало.

Путем административных функций государство совершает юридические акты в собственном смысле слова, т. е., вступая в границы объективного права, оно создает субъективные юридические положения. В отношении юридической конструкции государства С.А. Котляревский справедливо отметил, что, главным образом, в течение XIX века люди пришли к убеждениям, что существенная цель публичной власти состоит в осуществлении права, и что

люди, обладающие властью, подчинены праву и связаны им. Почувствовалась всеми потребность в создании юридической конструкции государства. Под вполне законным влиянием этой потребности создана была современная господствующая теория, которую можно назвать теорией государства – субъекта права или теорией юридической личности государства.

Государство есть субъект права, являющийся при необходимости обладателем субъективного права на публичную власть и могущий быть, – как это почти всегда и бывает в действительности, – носителем субъективных патримониальных прав. Более того, в представлении этой доктрины государство в том виде, как его создали история и обстоятельства, объявляется высшей коллективностью, существующей на определенной территории, поскольку оно возведено в степень личности и обладает органами управления и правительства [10]. Если государство представляет собою высшую олицетворенную коллективность, существующую на данной территории, то это превосходство предполагает за ним власть повелевать индивидуальными и коллективными лицами, находящимися на этой территории, предписывать им свою волю (как таковую) только потому, что это его воля. Эта власть олицетворенной коллективности есть то, что принято называть суверенною властью или суверенитетом.

Из всего изложенного, писал С.А. Котляревский, вытекает, что государство, являясь субъектом права, слагается из четырех элементов: 1) совокупности человеческих индивидов; 2) определенной территории; 3) суверенитета; 4) правительства [10].

В заключении отметим, что российским ученым рассматриваемого периода удалось глубоко проанализировать как исторические предпосылки возникновения правового, конституционного государства, так и наиболее сложные теоретические вопросы, связанные с формированием его элементов и функционированием. Лишь в начале XX века в России были провозглашены основные права и свободы, однако, отсутствовали, по-прежнему, механизмы их реализации, гарантии и защиты. В дальнейшем, во время войны и революции народ получил политическую свободу, свобода слова и собраний стала реальностью почти мгновенно, но не было еще опыта, традиций использования полученных благ. В итоге, не была осознана их ценность.

С дугой стороны, в условиях самодержавия идеалы правого государства объективно утвердиться не могли. Например, С.А. Корф писал, что вред демократизации России нанесли контрреформы Александра III, а также политика, которую проводили министры внутренних дел (Д.А. Толстой, В.К. Плеве, П.Н. Дурново), смотревшие на управление Россией с позиций «полицейских идеалов». В критике государственного строя России С.А. Корф шел дальше других либералов-государствоведов: Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, В.Ф. Дерюжинский и др. Об умеренно-консервативном правоведе Н.М. Коркунове он отзывался как о талантливом и начитанном ученом, но с весьма «малосимпатичными взглядами», как об «идеологе самодержавия», оказавшем немало услуг правительственному режиму в его идейном обновлении.

Существовали и объективные условия существования российского государства, которые не оставляли надежд на реализацию идеалов государственного устройства. В частности, для огромной массы населения политические права и свободы оставались без надобности. Именно это создало разрыв между провозглашенными идеалами государственного устройства и реальной жизнью. В политической жизни страны верх получили партии и движения, которые путем изощренной демагогии обещали скорые блага. В дальнейшем проекты российских ученых по созданию государства путем целенаправленной каждодневной работы и в советской России остались непонятыми и невостребованными.

Литература и источники:

1. *Королев, Б. И. К вопросу о вариантах конституционного развития России : сб. научн. трудов / Б. И. Королёв ; под ред. В. М. Баранова и др. // Современные проблемы государства и права. Вып. 8. – Н.-Новгород, 2005. – С. 53.*

2. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права / М. И. Марченко. – М. : «Проспект», 2005. – С. 74.

3. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб. : «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 196 – 210.

4. См.: //Вопросы философии и психологии. – 1905. – Кн. 6 (76) ; 1906. – Кн. 3 (83) ; Исторический вестник. – 1902. – № 4, 6 ; Научное слово. – 1905. – Кн. 2, 3 ; Свобода и культура. – 1906. – № 5, 6.

5. ПСЗ Российской империи. – 1906. – Т. XXVI. – С. 27805/4.

6. Нерсесянц, В. С. Проблемы общей теории права и государства / В. С. Нерсеянц. – М. : «Норма – Инфра», 1999. – С. 55.

7. Кистяковский, Б. А. Право как социальное явление / Б. А. Кистяковский // Вопросы права. – 1911. – Кн. VIII (4). – С. 17.

8. Котляревский, С. А. Власть и право: проблема провового государства. – М. : издание Т.А. Ломама и С.И. Сахарова, 1915 . – С. 205 – 206 ; 302.

9. Взято из статьи: Бельский, К. С. Профессор С.А. Корф – видный русский государствовед, административист и юрист-международник / К. С. Бельский // Государство и право. – 2007. – № 3. – С. 76 – 82.

10. Котляревский С. А. Конституционное государство: Опыт политико-морфологического анализа / С. А. Котляревский. – СПб., 1907. – С. 111.